

ЯРКИЙ ТАЛАНТ

Впервые я встретился и познакомился с Евстигнеем Афиногеновичем Миновичем в августе 1929 года. Невысокого роста, худощавый, живой человек с седой головой и выразительными глазами притягивал проникновенным интересом к собеседнику, и, что мне особенно понравилось, лицо и глаза его были освещены приятной, добродушной и в то же время какой-то хитроватой улыбкой... Почти сорок лет прошло с первой, памятной встречи, а мне кажется, что было это вчера,—так ясно остались в памяти все, даже самые маленькие подробности нашего первого знакомства.

Еще будучи студентом Ленинградского театрального института, я слышал о Е. А. Миновиче как известном авторе комедийных и сатирических пьес, которые пользовались неизменным успехом до Октябрьской революции и в первые годы после нее на петроградской сцене и в театрах многих городов страны. Комедии «Рыцарь дон Фернандо», «Графиня Эльвира», «Воза приспособился» и «Театр купца Епишкина» принесли Миновичу большую популярность.

Когда я приехал в 1929 году

в Гомель, там в это время показывал свои спектакли Первый Белорусский государственный театр (так тогда назывался наш Академический театр имени Янки Купалы). Приятно удивила меня фамилия Миновича на афишах. Его имя было напечатано рядом с названием пьес «Машека», «Кастусь Калиновский», «Коваль-воевода» и «Карьера Брызгалкина». Минович был актером и режиссером этих спектаклей. Тогда он возглавлял художественное руководство театра.

Посмотрел я несколько спектаклей, и у меня—молодого, начинающего актера—возникло желание связать свою судьбу с этим театром. Я поделился своей мыслью с художником театра Дмитрием Крейном, которого знал давно. Он одобрил мое желание и познакомил меня с Е. А. Миновичем.

В те годы в Гомеле спектакли давались в здании деревянного цирка на Комсомольской улице. И вот в этом помещении после репетиции (помню, что театр работал тогда над постановкой пьесы Д. Курдина «Межбурье») в маленькой комнатке за кулисами Минович принял меня. Чувствовалось, что он был усталым после репетиции, но в приподнятом настроении. Вежливо заговорил со мной. За кулисами было уютно, душно, и он предложил пойти прогуляться в парк,

подышать свежим воздухом.

Мы ходили по аллеям чудесного старинного парка, хорошо знакомого мне с детства. Минович внимательно расспрашивал меня об институте, о моих учителях, о последних ленинградских премьерах. Особенно интересовался, не «болею» ли я склонностью к модным течениям формалистического искусства. Он вообще не любил гоняться за модой. Помню, Минович выразительно подчеркнул, что живой человек на сцене, правдивый и глубокий образ которого создает актер,—это было, есть и будет главной и основной сущностью театра. Режиссерские же фокусы и ухищрения—пена на волнах.

В конце нашего разговора Минович сказал мне, что я должен выступить перед художественным советом театра и показать, что умею делать и на что способен. Тогда он и художественный совет вместе с директором примут соответствующее решение. Это был экзамен...

Ну что же! Я был готов к нему. На этом экзамене я читал монологи из разных пьес, стихотворения, басни. Вдруг Минович спрашивает, был ли я в зоологическом саду. Я ответил, что был не раз.

— Ну так вот,—сказал он.—Представьте себе, что вы стоите возле клетки с большой обезьяной—шимпанзе или оран-

гутангом. Вы пристально всматриваетесь в нее. Она вас очень заинтересовала, вы не спускаете с нее глаз... И вдруг у вас возникло желание делать все, что делает эта обезьяна. Вот вам такое задание. Подумайте и сделайте такой этюд! Согласны?

Я согласился, понимая, что это сложный и тяжелый этюд. Не буду теперь рассказывать, что я изображал, но короткие вскрики удовлетворения и смел Миновича были вознаграждением за мое исполнение. Я выдержал экзамен и был зачислен в актерский коллектив театра.

Минович знал, что меня интересует и режиссура,—я говорил ему об этом еще во время нашей первой прогулки. Он похвалил мое стремление сочетать актерское творчество с пробой своих сил в сфере режиссуры.

Помню такую его мысль: основное качество актера, желающего заняться режиссурой,—это способность не только жить жизнью своей роли, а и глубоко понимать всю пьесу, ее идейную сущность, авторский замысел, его художественные особенности, психологию всех действующих лиц, иметь свою личную точку зрения на сценическое воплощение драмы.

Мы неоднократно и много говорили на эту тему. И вот, когда театр решил ставить пьесу

Е. А. МИРОВИЧ.

с молодого тогда Рыгора Кобеца «Гута», в которой мне поручили роль директора завода Андреева, Минович предложил, чтобы я был и ассистентом режиссера этой постановки. Большая радость и серьезное испытание—работать над ролью Андреева и одновременно быть ассистентом у режиссера Миновича!

Хочу подчеркнуть, что Евстигней Афиногенович очень чутко и сердечно относился к творческим стремлениям молодежи, умел по-отцовски окрылить и подбодрить ее.

Минович был не только драматургом и режиссером, но и чудесным актером. Я лично никогда не видел его на сцене в спектаклях, но убедился в этом на репетициях, когда он пока-

зывал актерам, как нужно исполнять то или иное место в роли. Но он запрещал механически копировать его показ, учил творчески осмысливать режиссерские задания и делать все по-своему, согласно собственной индивидуальности.

Минович на протяжении многих лет был актером петроградской сцены и воспитывался на блестящих образцах реалистического искусства таких чудесных и знаменитых артистов, как Давыдов, Варламов, Савина, Комиссаржевская, Самойлов, Ходотов, Юрьев и другие. Он часто рассказывал нам об образах, созданных этими артистами.

Никогда не слышали мы от него громких, цветистых речей, не любил он жонглировать замысловатой терминологией. Непосредственно, в живой творческой практике, на репетициях, в работе над созданием спектакля, учил и воспитывал актеров, воспитывал чувство и понимание ансамбля, вырабатывал единство взгляда на пьесу, на ее трактовку. Его репетиции были уроками хорошего вкуса, поисками вместе с актерами жизненной правды и психологического проникновения в человеческий характер. Евстигней Афиногенович подчеркивал большую гражданскую ответственность артиста, художника, который несет со сцены мысли и чувства своих героев, призывал быть всегда в курсе всех дел нашего народа.

Он требовал от актеров, чтобы они ежедневно работали над голосом, дикцией, языком, уме-

ли пластически двигаться. Под его надзором мы совершенствовали актерскую технику.

Вне театра говорили, что будто бы Минович «за ручку водит актеров по сцене». Говорили—кто в шутку, а кто иронией! Да, водил! Водил хорошо, с любовью и вдохновением. И вывел на широкий художественный простор молодой национальный театр и большую плеяду таких мастеров, как Вл. Крылович, Л. Ржецкая, Г. Григонис, Вл. Влодомирский, Б. Платонов, Г. Глебов, И. Жлано-вич, В. Галина, В. Полло, Э. Шапко, С. Бирило, и много других способных актеров, украсивших своим талантом белорусскую сцену.

Припоминается, что в начале своей творческой жизни наш молодой театр выступал на столочной сцене. На Олимпиаде искусств народов Советского Союза, проходившей в Москве в 1930 году, 1-й Белорусский драматический театр был признан одним из лучших и интересных театров советской страны.

Многими достижениями купаловский театр и до сего времени обязан Е. А. Миновичу, который был создателем хороших традиций, был нашим учителем, драматургом, режиссером и художественным руководителем. Отмечая 90-летие со дня его рождения, мы с благодарностью и почтением вспоминаем о нем.

Леонид РАХЛЕНКО,
народный артист СССР.